

И.Д. Сахурия

Влияние основных политических теорий первой половины XX в. на оценку Спарты

Любое научное исследование обладает априорной теоретической нагруженностью, основанной на различных философских, идеологических и политологических посылах, как правило, посторонних по отношению к рассматриваемой проблематике. Влияние теоретических оснований во все времена серьезно сказывалось на результатах научной деятельности. Но особенно сильно это воздействие стало проявляться в XX в., когда четко оформились такие идеологические доктрины как марксизм, фашизм, либерализм. Ярким примером данной тенденции является освещение, казалось бы, такого далекого от злобы дня предмета, как государственный строй Спарты. Исследователи обращаются в основном к определенной совокупности фактов, известных науке, но при этом выводы, следующие из анализа этих фактов, не только не совпадают, но и часто являются диаметрально противоположными. Причина этого, очевидно, заключается в двух обстоятельствах.

Во-первых, сказывается специфика самого спартанского государства, оценить которое однозначно оказывается в высшей степени трудно. Уже в работах античных авторов прослеживается неоднозначность оценок этого государства. Кроме того, особенность, которую необходимо отметить, – это стремление оценить спартанское государство через сравнение с Афинами. Наиболее рельефно различия между этими двумя политическими системами, их внутренними основаниями и целями выявились в период Пелопоннесских войн. И именно в работах современников этой войны впервые столь предельно четко проявляется противопоставление Афин и Спарты. В частности, Фукидид пишет, что «в каждом городе вожди народной партии призывали на помощь афинян, а главари олигархов – лакедемонян...». Для более поздних авторов это противопоставление становится уже традиционным, как, впрочем, и для всей последующей исторической науки.

Во-вторых, сложность оценки спартанского государства, безусловно, связана со спецификой самой исторической науки. Принято считать, что в идеале она имеет дело с историческими фактами, так сказать, в чистом виде. Но, на деле, факт может быть осознан и в полной мере интегрирован в науку только будучи включен в какую-то теоретическую модель. Таким образом, историческая наука оперирует не столько собственно фактами, сколько смыслами, которые сама же и создает на основе философских, политологиче-

ских, социологических, экономических, культурологических концепций. Именно эти концепции подчас и оказывают определяющее влияние на результаты конкретно-исторического исследования. И в этой связи интересно рассмотреть влияние трех важнейших политических концепций XX в. (марксизма, фашизма, либерализма) на оценку государственного строя Спарты.

Возникший еще в конце XIX в. марксизм оказал мощное воздействие на идеологическую картину XX в., затронув все сферы интеллектуальной жизни и, в том числе, историческую науку. И, в частности, марксизм повлиял на трактовку спартанской проблематики. Некоторые разрозненные оценки спартанского государства встречаются уже в классических работах К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Каутского [1, с. 15–17; 2, с. 43–448; 3, с. 5–338]. Вместе с тем говорить о наличии в трудах классиков марксизма разработанной концепции спартанского строя не приходится. Собственно, такая цель ими никогда и не ставилась. Этот полис, наряду с другими, просто предоставлял удачный иллюстративный материал для теоретических выкладок.

Важнее было то влияние, которое оказал марксизм на образ спартанского государства непосредственно в исторической науке. Это касается, в первую очередь, советской историографии, для которой марксизм стал «единственно верным» философским основанием и методологией. Характерно при этом, что данное влияние осознавалось самой наукой. Так, в книге «Историография античной истории (под ред. В.И. Кузищина) читаем: «основные положения новой историко-философской теории имели огромное значение для разработки античной историографии» [4, с. 86]. Дело, однако, в том, что влияние марксизма в советской исторической науке вообще и в антиковедении в частности, хотя и осознавалось, но при этом оценивалось сугубо положительно и всячески приветствовалось – как большой вклад в науку и даже прорыв в нее.

В рамках исторической науки марксистского толка сложилась традиция оценивать спартанскую систему преимущественно в негативном ключе. Связано это было с тем, что во главу угла при изучении античной истории вообще и спартанского полиса в частности, было поставлено не рассмотрение государственно-правовых особенностей и социальной структуры, а формационная теория и теория классово-борьбы. Собственно спартанская проблематика оказалась

опосредована оценкой античности как таковой, а вернее, рабовладельческой формации. Последняя, естественно, оценивалась сугубо в негативном ключе, как основанная на угнетении и эксплуатации рабского труда [5; 6, с. 50–65; 7, с. 64–81; 8]. В этой связи Афины выглядели даже более выигрышно с точки зрения советской историографии – более развитые в экономическом плане, более открытые, с высоким уровнем культуры, они имели больший потенциал для «перерастания» имеющейся экономической формации. В свою очередь, Спарта – консервативная, замкнутая, со слабо развитой, преимущественно аграрной экономикой, являлась как бы образцом реакционности. Даже классической рабовладельческой системы здесь не сложилось – господствовала илотия, которую типологически сближали с восточной, более примитивной, системой патриархального рабства.

Еще более усилилось негативное восприятие Спарты в советской науке к концу 30-х гг. Связано это было, в первую очередь, с реакцией на фашистскую идеализацию этого полиса [9, с. 98–106]. Советская историческая наука, основывающаяся на марксистской концепции развития исторического процесса, пошла тем же путем, что и западная историография, связанная с либеральной доктриной. Оба направления в этот период начинают оценивать Спарту более негативно, хотя и делают это с разных позиций.

Оформившаяся в конце 20 – начале 30-х гг. XX в. фашистская идеология также оказала серьезное воздействие на оценку спартанского государства, прежде всего, в немецкой исторической науке. Вообще тенденция пересмотра оценок Афин и Спарты в немецкой историографии появилась уже с начала XX в. и восходит к работам К.О. Мюллера [10, s. 35 f; 11, p. 120]. Но особенно очевидна эта новая тенденция стала в период между двумя мировыми войнами. В 30-е гг. в Германии происходит настоящий всплеск интереса к спартанской проблематике, что, разумеется, было далеко не случайным. Спартанский полис, с его милитаризованностью, замкнутостью, тотальностью государственного влияния и унифицированностью гражданского коллектива, оказался в высшей степени созвучен фашистской доктрине с ее идеалами и ценностями. При этом интересно отметить, что в плане фактологии здесь не последовало каких-то принципиальных открытий. Следуя, в общем-то, классической модели спартанского полиса, сложившейся на тот момент на основе фактов, которыми оперировала академическая историческая наука, фашистские ученые дали этим фактам свою оценку. В рамках этого направления историографии можно назвать, прежде всего, работы таких авторов, как Г. Берве и Т. Леншау [12, s. 15 f; 13, s. 269–270]. В произведениях названных исследователей Спарта предстает как образец сильного государства, обладающего совершенной системой политических институтов.

Фашистская доктрина исходит из традиционного противопоставления Афин и Спарты, только в данном случае меняются угол зрения, оценки и, следовательно, выводы. С точки зрения фашистской доктрины, не Афины, а Спарта являлась наиболее совершенным образцом полисного устройства. Именно в Спарте в наиболее полном и законченном виде реализовались принципы, лежащие в самой основе полисной организации, отличающие ее от государственных организаций варварского Востока: автаркия, автономия, принципы военной службы и др. Но самый главный аспект, волновавший теоретиков Третьего рейха, – принцип комплектования гражданского коллектива. Именно этот принцип, по их мнению, в наибольшей степени перекликался с фашистской идеологией и он же являлся залогом спартанского могущества, стабильности и влияния. Господство узкой группы завоевателей (дорийцев), связанных общностью этнического происхождения, над обширным покоренным (ахейским) населением представляло своего рода модель того идеального государства, к построению которого стремился фашистский режим. Спартиаты выступали в рамках этой модели в качестве «высшей расы», призванной господствовать над расой низшей (прежде всего илотами, имевшими в большинстве своем ахейское происхождение).

Следующим закономерным шагом стало проведение параллелей (или даже установление преемственных связей) между спартиатами и «чистокровными немцами». Объявляется о превосходстве дорийцев над остальными эллинами, о том, что они были носителями «духа северных переселенцев» и чуть ли не арийского происхождения. В узкой замкнутой группе полноправных спартиатов немецкие историки видели чистый нордический элемент, подлинную расу господ [14, с. 148].

Все это предопределило сугубо положительную оценку спартанского государства в немецкой историографии 30–40-х гг., находившейся под влиянием фашистской идеологии. Вместе с тем нельзя не отметить того факта, что влияние фашистской идеологии не ограничилось только немецкой историографией и имело, своего рода, побочный эффект. Под влиянием фашистской идеализации Спарты в Германии, а вернее, в качестве реакции на нее, в исторической науке других стран (прежде всего речь идет о странах антигитлеровской коалиции) усилилось негативное восприятие спартанского полиса. Причем эта тенденция оказалась общей как для марксистской, советской науки (о чем говорилось выше), так и для западной, основывающейся на идеях либерализма.

Либеральная концепция оказала мощное воздействие на разработку проблематики спартанского политического строя. И одним из самых ярких примеров здесь может служить, пожалуй, работа К. Поппера «Открытое общество и его враги». Это произведение

имеет особое значение, поскольку автор формулирует в нем базовые идеи либерализма и уже с позиции этих идей дает оценку политическому строю Спарты.

Вышедшая в свет в 1945 г. работа имела острый полемический характер и была направлена как против фашизма, так и против коммунизма (марксизма). Будучи ориентированной, в первую очередь, на злобу дня, она имела большой резонанс. С одной стороны, вызвала целый ряд критических оценок в различных работах как с идеологических [15], так и конкретно-исторических позиций [16; 17, с. 3–15]. С другой, – оказала мощное воздействие на интерпретацию политического строя Спарты в дальнейшем [18, с. 12–16; 19].

Основными категориями, на которых строится вся концепция К. Поппера, являются понятия «открытое» и «закрытое» общества. Автор дает следующее определение этим понятиям: «Магическое, племенное или коллективистское общество мы будем именовать закрытым обществом, а общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения, – открытым обществом» [20, с. 218].

В конкретно-историческом аспекте К. Поппер формулирует идею о том, что первоначально, на стадии родоплеменной организации, человеческое общество являлось закрытым. Переход к открытому обществу произошел в Древней Греции постепенно, по мере прироста населения, развития мореплавания и вывода колоний, что подорвало замкнутость общества. Наиболее ярким примером этого процесса для К. Поппера служат Афины. В то же время Спарта остается закрытым государством: конечная цель спартанской политики – остановить всякое изменение и вернуться к племенному строю [20, с. 227]. Вместе с тем, автор подчеркивает: «искусственно поддерживаемое закрытое общество или культивируемый племенной дух – это не то же самое, что реальное закрытое общество» [20, с. 228].

Вообще же, строго говоря, в работе Поппера нет развернутой модели спартанского политического строя. Автор преимущественно ограничивается рядом разрозненных замечаний. Лишь однажды дана целостная характеристика Спарты. К. Поппер пишет: «В основе спартанской политики лежали следующие принципы: (1) Защита косного племенного строя: отгородиться от всех зарубежных воздействий, которые могли бы повлиять на жестокость племенных табу; (2) Антигуманизм: отгородиться от всех эгалитаристских, демократических и индивидуалистских идеологий; (3) Автаркия: быть независимыми от торговли; (4) Антиуниверсализм, или партикуляризм: сохранить различие между подчиненными (низшими); (5) Господство: господствовать и поработать своих соседей; (6) Не становиться слишком большими: «Государство можно увеличивать лишь до тех пор, пока оно не перестанет быть единым». Примечательно замечание, которым автор резюмирует этот обзор: «Если мы сравним эти

шесть принципиальных линий спартанской политики с тенденциями современного тоталитаризма, то увидим, что в основном они сходятся» [20, с. 228]. Таким образом, для К. Поппера в случае со Спартой речь идет о тоталитарном государстве. И неизбежно с вытекающей отсюда оценкой политического строя Спарты в сугубо негативном ключе.

Таким образом очевидно, что принципиальная новизна концепции Поппера заключается не в ее фактологической стороне, а именно в оценке спартанской системы с точки зрения теории либерализма середины XX в. Именно этот аспект работы оказал наибольшее влияние на образ этого государства, прежде всего в западной исторической науке XX в.

Таким образом, крупнейшие политические теории XX в. оказали мощное воздействие на изучение и оценку политического строя Спарты. Однако воздействие это носило специфический и весьма односторонний характер. Все исследования, ставившие во главу угла ту или иную идеологическую доктрину, ориентировались, прежде всего, на оценку известных науке фактов сквозь призму избранной теории. Причем, если говорить о конкретно-историческом аспекте, была в полной мере продолжена традиция противопоставления Афин и Спарты, идущая еще со времен античности.

С одной стороны, влияние идеологических концепций часто приводило к априорным выводам, продиктованным избранной теорией. Подобного рода исследования мало что нового смогли привнести в фактологическую часть, оперируя в основном известными науке фактами и лишь интерпретируя их определенным образом. С другой стороны, было бы неверным подобным образом оценивать всю историографию спартанского полиса этого периода. Влияние идеологии в работах различных авторов сказывалось в разной мере. Но даже там, где оно было существенным, положительные результаты, имеющие значение для развития науки в последующем, были получены. В частности, советская историография, работая в рамках марксистской концепции и согласуя с ней свои выводы, тем не менее, внесла большой вклад в разработку прежде всего экономической проблематики античного общества. И хотя теоретические выводы этих исследований могут нуждаться в пересмотре, их вклад в разработку фактологической составляющей – бесспорен.

Важно также отметить, что влияние трех названных идеологий – марксизма, фашизма и либерализма – оказалось не одинаковым. Наименьшую роль сыграла фашистская концепция. Вместе с падением германского фашизма и признанием преступности этой идеологии работы по спартанской проблематике, написанные в этом ключе, фактически были исключены из научного оборота как полностью не соответствующие принципам исторической науки.

Более длительным и существенным было влияние марксизма. В советской науке, в той или иной степени, оно сохранилось фактически вплоть до конца 80-х гг. XX в. И здесь, как и в случае с Германией, политические изменения в стране, отказ от прежней идеологии, привели и к изменению в науке, пересмотру как существовавшей научной парадигмы, так и результатов, полученных в ее рамках. В свою очередь, либеральная идеология не столкнулась с подобного рода сломом. Но, во многом будучи ориентированной на полемику с фашистскими и марксистскими идеями, после их

падения она потеряла свое ярко выраженное полемическое звучание.

В целом же можно констатировать, что уже в послевоенное время возникла тенденция ослабления влияния идеологических посылок в конкретно-исторических исследованиях. Работы, вышедшие в этот период [21; 22, s. 465–484; 23, s. 5–24; 24, s. 31–41; 25, s. 18–40; 26, с. 70–86; 27, с. 25–36; 28, с. 9–37; 29; 30] в основном отличаются все более взвешенной оценкой спартанского строя и попытками более объективного анализа фактов.

Библиографический список

1. Каутский К. Предшественники новейшего социализма / К. Каутский. – М., 1958. – Т. 1.
2. Маркс К. Критические заметки к статье «пруссак» «Король прусский и социальная реформа» / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М., 1964. – Т. 1.
3. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М., 1964. – Т. 20.
4. Историография античной истории / под ред. В.И. Кузищина. – М., 1980.
5. Бергер А.К. Социальные движения в древней Спарте / А.К. Бергер. – М., 1936.
6. Шмидт Р.В. Античное предание о дорийском переселении / Р.В. Шмидт // Вестник древней истории. – 1938. – №2.
7. Тарков П.Н. Социальные движения в Пелопоннесе в конце III в. до н.э. / П.Н. Тарков // Ученые записки Московского гос. библиотечного ин-та. – Вып. 2: История, литература. – М., 1956.
8. Тюменев А. Очерки экономической и социальной истории Древней Греции / А. Тюменев. – Пг., 1924. – Т. 1.
9. Лурье С.Я. О фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты / С.Я. Лурье // Вестник древней истории. – 1939. – №1.
10. Muller K.O. Die Dorier. Bd. II. – Breslau, 1824.
11. Muller K.O. The History and Antiquities of the Doric Race II, 2nd ed. – L., 1839;
12. Berve H. Sparta. – Leipzig, 1937.
13. Lenschau Th. Die Entstehung des spartanischen Staates. – В., 1935.
14. Фролов Э.Д. Немецкая буржуазная историография античности новейшего времени (1917–1975) / Э.Д. Фролов // Античный мир и археология : межвуз. сб. – Вып. 4. – Саратов, 1979.
15. Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество / М. Корнфорт. – М., 1972.
16. Михаленко Ю.П. Платон и современная антитеза либерализма и тоталитаризма: Кроссмен Р., Поппер К., Рассел Б. и др. в окружении корифеев античной политической мудрости / Ю.П. Михаленко. – М., 1998.
17. Чернышов Ю.Г. К вопросу о «спартанском тоталитаризме» / Ю.Г. Чернышов // Исследования по всеобщей истории и международным отношениям. – Барнаул, 1997.
18. Андреев Ю.В. Спартанский эксперимент: «община равных» или тоталитарное государство / Ю.В. Андреев // Античность и современность : доклады конференции. – М., 1991.
19. Андреев Ю.В. Цена свободы гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации / Ю.В. Андреев. – СПб., 1999.
20. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / К. Поппер ; пер. с англ. В.Н. Садовского. – М., 1992.
21. Baltrusch E. Sparta: Geschichte, Gesellschaft, Kultur. – Munich, 1998.
22. Bringmann K. Die soziale und politische Verfassung Spartas: ein Sonderfall der griechischen Verfassungsgeschichte? // Gymnasium. – 1980. – №87.
23. Borecky B. Die politische Isonomie // Eirene. – 1971. – №9.
24. Hamilton CD. Social Tensions in Classical Sparta // Ktema. – 1987. – №12.
25. Herrmann-Otto, E. Verfassung und Gesellschaft Spartas in der Kritik des Aristoteles // Historia. – 1998. – №47.
26. Андреев Ю.В. Архаическая Спарта: культура и политика / Ю.В. Андреев // Вестник древней истории. – №2.
27. Давыдова Л.С. Последний этап кризиса полиса в Спарте / Л.С. Давыдова // Развитие античного и средневекового города. – М., 1987.
28. Кошеленко Г.А. Древнегреческий полис / Г.А. Кошеленко // Античная Греция. Проблемы развития полиса / под ред. Е.С. Голубцовой, А.П. Маринович, А.И. Павловской, Э.Д. Фролова. – М., 1983. – Т. 1.
29. Печатнова Л.Г. История Спарты (период архаики и классики) / Л.Г. Печатнова. – СПб., 2001.
30. Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть) / Э.Д. Фролов. – СПб., 2001.